

Для выявления особого характера этой коммуникации с другим вводится новый термин — «интерречь», под которой имеется в виду взаимодействие «не просто с другими завершёнными произведениями культуры, а с фактической чужой речью» (с. 47). Интерречь — это конкретная (стилевая) сфера пересечения «поэтики и политики как экзистенциальных практик» (с. 39). Именно здесь происходит «ситуирование» и самособирание поэтического субъекта, и автор книги убедительно показывает, как в этой точке могут сталкиваться разные идентичности.

Документальная поэзия, по В. Лехциеру, — это «привилегированная территория высказывания» (с. 101): она проблематизирует статус поэтического субъекта, ставит под вопрос эстетическую автономию его высказывания, делает зримыми — в жесте «экспонирования, транспонирования и исследования» документа (с. 124) — те социальные связи, которые его сформировали. Это поле со значительным инновационным потенциалом, фокус литературной актуальности.

Обоснованность этого тезиса, как других ключевых положений книги, не вызывает сомнений. Книга В. Лехциера — новое теоретическое высказывание о поэзии, и этим она исключительна. В ряду последних книг о новейшей русской лирике ей принадлежит одно из самых заметных мест: она по-новому проблематизирует материал, обосновывает перспективные методы его анализа, вводит актуальные поэтические практики в широкий контекст философского знания.

Ольга Соколова

На границе поэтического высказывания:

ДОКУМЕНТ И СВИДЕТЕЛЬ

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_197

Концептуальная и методологическая пограничность, установка на стратификацию концепций и подходов заявлена уже в названии книги Виталия Лехциера. Прием наведения и сдвига фокуса с ключевой идеи — поэзии — за ее границы, в иное, — отражая стратегию когнитивного преодоления оппозиций и смещения «фигуры-фона», маркирует дискурсивную установку автора на отказ от алгоритмизированных путей означивания, на деиерархизацию и децентрализацию системы в целом. Разворачивая систему измерений современной поэзии — как критики, феноменологии, свидетельства, — Виталий Лехциер изначально формулирует тезис об отрицании доминирования любого дискурса, даже поэтического, скрывающего в потенциале возможность слишком поэтического.

Следуя авторской оптике, сместим точку зрения в сторону расширенного видения — за границу поэзии как ‘делания, творения’ — в ее «иное», этимологически родственное индоевропейским количественным единицам со значением уникальности (греч. *oinos*, англ. *one*, нем. *ein*), но пережившее семантический сдвиг: от первоначального значения ‘один’ к значению ‘другой, непохожий’. Эта различность, неповторимость мотивирует этимологические связи *ино*го с субъективной лиминальностью и расщепленностью (*инок, инакомыслящий*), а также с пространственной маргинальностью (*инокходец*). Заданная в названии динамика распределения когнитивных ресурсов и неоднородности дискурсивных практик развивается в самой книге в следующих основных проблемных зонах: в области актуальной, политической поэзии и референциально-структурной пограничности анализируемых текстов, охватывающей форматы черновика и чистовика, художественного и прикладного текста, «своей» и «чужой» речи, социального и личного документа.

В книге неоднократно звучит имя Эзры Паунда в связи с важными для В. Лехциера проблемами включения документальных материалов в поэтический текст, выявления эпистемологического и эстетического статуса документальной и социальной поэзии. Паунд выступает в роли агента нового поэтического высказывания, совмещающего тенденцию к политизации поэзии с языковым экспериментом. Развивая диалектический подход, заданный В. Лехциером и направленный на проблематизацию понятия поэзии и поэтического *per se*, можно вспомнить разграничение «жесткого» (*hard*) и «мягкого» (*soft*) модернизма, которое вводит Паунд. Не давая четкого определения этих понятий, он пишет: «Я прошу прощения за использование таких полуметафорических [*sic*] терминов “жесткий” и “мягкий” в этом эссе, но после того, как я некоторое время ломал голову над этим вопросом, я не вижу другого способа решить эту проблему. Под “твердостью” я подразумеваю качество, которое в поэзии почти всегда является добродетелью, — я не могу придумать ни одного опровергающего это случая. Под мягкостью я подразумеваю противоположное качество, которое не всегда является недостатком. Любой, кому не нравятся эти текстурные термины, может возложить вину на Теофиля Готье, который определенно предлагает их в “Emaux et Camées”» (Pound E. *The Hard and Soft in French Poetry*, 1918; цит. по: [Pound 1968: 285]). Сравнивая такой подход с идеей «участного мышления» М.М. Бахтина как бытия-события, П. Николлс делает вывод о фокусировании Паунда на политической, «жесткой» идее, в то время как «мягкость» ассоциируется с мифическим, дополитическим миром [Nicholls 2013: 19].

Пользуясь терминологией Паунда, можно сказать, что основным объектом книги становится «жесткая», актуальная, действенная поэзия, восходящая к перформативному повороту, которая не только анализируется в лицах (это и отдельное эссе, посвященное американскому поэту Марку Новаку, и анализ творчества современных русскоязычных поэтов, развивающих практики социальной, политической и документальной поэзии); в книге также проводится анализ ключевых составляющих параметров поэзии: дискурсивных, коммуникативных и субъективных. Здесь важно подчеркнуть релевантность аналитической оптики В. Лехциера — взгляд философа на поэзию, который позволяет автору осуществить масштабное междисциплинарное исследование гибридных явлений на границе поэтического и политического дискурсов. Основными полюсами книги стали поэтическое, политическое, философское и обыденное,

конstellации которых проявляются в разных форматах: как объекты исследования и как методы познания, как точки проблемного фокусирования и интегративные области сдвигов фокуса. Перераспределение этих полюсов, определяющее гетероморфность современной поэзии, получает в книге глубокое осмысление через понимание поэзии как формы постметафизического мышления и как феноменологии.

Выявляя параметры коммуникативной ситуации в социальной и документальной поэзии, Лехциер берется за актуальную и сложную проблему поэтической субъективности, неразрывно связанную в современном контексте с философией свидетельства и *trauma studies*. Выбранный автором подход заставляет вспомнить тезис о значимости этимологии слова «свидетель» Дж. Агамбена, который стоит у истоков типологии поэтического субъекта. Агамбен выделяет два латинских слова: *testis*, от которого происходит итальянское слово *testimone*, обозначающее того, кто выступает в роли третьей стороны (*terstis*) в процессе или в споре между двумя противниками, и *superstes*, буквально ‘переживший’, которое «указывает на того, кто пережил нечто, прошел до самого конца какое-то событие и поэтому может свидетельствовать о нем» [Агамбен 2012: 15]. Обращаясь к греческой этимологии, Агамбен вводит еще один вектор: *martis* ‘мученик, свидетель’, *martirium* — ‘мученичество’, что обозначает казни гонимых христиан в ранней патристике и восходит к праиндоевропейскому *(s)mer- ‘помнить, вспоминать’, отсылая к проблеме памяти, с одной стороны, и к отказу некоторых еретиков от мученичества как бессмысленной смерти — с другой [Там же: 27]. Шифтерность позиции субъекта между третьим лицом внешнего свидетеля и первым лицом ‘пережившего’ травму, нарративным режимом воспоминания и «нулевым» дейксисом субъекта не-свидетельствования, акцентированная у Дж. Агамбена, получает сложные формы репрезентации в современной поэзии.

Книга имеет двухчастную структуру, где в первой части осмысляются более общие теоретические вопросы философии черновика, политической фактичности как формы феноменологической редукции и метафизического мышления в поэзии, а во второй — общие проблемы разрешаются в масштабе отдельных поэтических стратегий. Разговор о субъективности в современной поэзии как прагматической категории Лехциер начинает с анализа структурного и семантического статуса черновика, который осмысляется в книге в координатах «чернового письма», или «черновых вариантов», развивающихся вне темпоральных границ и преодолевающих границы художественного — эмпирического. Коллажная вариативность структурных компонентов и возможных интерпретаций формирует особую полимодальность черновика, где отсутствие иерархической вертикали «черновик — оригинал» согласуется с динамизмом сдвигов внимания, лежащих в основе когнитивных механизмов усиления, или фокусирования, и подавления, или «затемнения». Черновик — это и семиотическая открытая структура (в терминологии У. Эко), и форма перераспределения когнитивных усилий между процессуальностью перцептивного восприятия внешнего сигнала и его внутренней обработкой, настроенной на модус *in progress*, или *im Werden*. Развивая важный для понимания эпистемологической и коммуникативной структуры дневника когнитивный аспект, можно провести параллель с теорией точки наблюдения, или точки обзора (*vantage theory*), согласно которой категория субъективного конструирования представляет собой «связь между фиксированной и подвижной координатами в окру-

жающем физическом пространстве и способах его восприятия и познания» [MacLaury 1995: 269]. Пересечение координат во внешней реальности и в сознании образует точку наблюдения, в перспективе которой одна и та же реальность воспринимается каждым индивидуально, в зависимости от субъективного выделения или подавления ее отдельных элементов. В этом плане черновик как парадигматически организованный набор вариантов, или альтернатив выбора, представляет уникальную модель такой точки наблюдения, где в фокусе оказываются все возможные варианты и которая предельно выражает идею Р. Якобсона о структурных основаниях поэтической речи, где принцип эквивалентности проецируется с оси селекции как выбора средств на ось комбинации как их проективного соположения.

Согласно Лехциеру, «черновик — это всегда *автокоммуникация*. Автокоммуникация строится как внутренняя речь, разговор в отсутствии другого, что проявляется в особом «усеченном синтаксисе», сокращении слов и предложений, герметизме» (с. 28). Убедительный тезис автора о специфике прагматическо-структурной автореференциальности черновика вызывает вопрос в связи с завершающим его утверждением о том, что «автокоммуникативность — характерная черта современной поэтики». Ведь автокоммуникативность — одна из черт поэтического дискурса в целом, которая актуализируется посредством метаязыковой рефлексии в поэзии XX века, начиная с авангарда. Хотя такое утверждение может объясняться погруженностью автора в выбранный материал.

Анализ различных поэтических практик позволяет Лехциеру выделить несколько форм поэтической субъективации: «децентрированный» и «транцендирующий к другим голосам» поэтический субъект (с. 50); «медиумическая и ситуативная поэтические субъективности» (с. 58); «множественная», «гибридная субъектность» *docuproetry* (с. 104); «дискурсивная полисубъектность», «организованная в стихотворении рационально — сложным, гибридным субъектом, который осуществляет перенос документов в литературу, поэтически транспонируя их минимальным способом (фрагментируя и склеивая фрагменты в логике верлибризации), и одновременно проводит этнографическое исследование (интервью, «анализ документов»), сопровождая его методологической рефлексией» (с. 118); «расколотое “я”» «галлюцинаторных субъектов», страдающих от потери внутренней, «субъектной» автономии (с. 154). Поэзия и ее иное — в фокусе видения Виталия Лехциера — позволяет вновь актуализировать зияющую проблему (не)возможности письма, продуцирования и интерпретации текста в условиях неиссякаемой череды «апорий Освенцима»: давления означивающего дискурса, монополии «capitalization» символического и несимволического капитала (у Марка Новака), «войны», ломающей языковые и этические нормы (у Александра Авербуха) или дисциплинарных, контролирующих психиатрических инстанций (у Марии Машиновской). Свидетельство поэзии разворачивается на границе с не-свидетельствуемым, а поэт артикулирует саму невозможность свидетельствовать. В ситуации обострения практик дисциплинарности и активизации режимов, производящих власть, поэзия оказывается выражением пограничного опыта субъекта как свидетеля того, что находится за гранью и поэтического, и экзистенциального опыта.

Библиография / References

- [Агамбен 2012] — *Агамбен Дж.* Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012.
- (*Agamben G.* Il potere sovrano e la nuda vita. Moscow, 2012. — In Russ.)
- [MacLaury 1995] — *MacLaury R.E.* Vantage theory // Language and the Cognitive Construal of the World / Ed. by J.R. Taylor, R.E. MacLaury. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1995. P. 231—276.
- [Nicholls 2013] — *Nicholls P.* Hard and Soft Modernism: Politics as “Theory” // A Handbook of Modernism Studies / Ed. by J.-M. Rabaté. West Sussex: Wiley-Blackwell, 2013. P. 15—33.
- [Pound 1968] — *Pound E.* Literary Essays / Ed. by T.S. Eliot. London: Faber and Faber, 1968.

Денис Ларионов

Необходимая работа¹

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_201

1

Виталий Лехциер принадлежит к немногочисленной, но неуклонно расширяющейся в последнее время плеяде авторов, чья работа не сводится к созданию только лишь замечательных поэтических текстов, а включает и сложную, многоступенчатую рефлексивную о сущности творческого акта и месте поэзии в современном мире. В случае Лехциера эта рефлексия связана с многолетней преподавательской и исследовательской деятельностью в рамках академических институций, посвященной широкому кругу вопросов в диапазоне от феноменологии письма до философских оснований медицины; результаты этой работы представлены как в рассматриваемой книге «Поэзия и ее иное», так и в вышедшей несколькими годами ранее монографии «Болезнь: опыт, нарратив, надежда»². Разные по объему, формату и поставленным задачам, эти книги сходны в общей эпистемологической установке на преодоление больших нарративов раннего модерна в пользу «речевой реабилитации каждого», объединяющей как субъектов медицинского вмешательства, так и субъектов поэтической речи.

В то же время неизбежно возникает вопрос: в каких отношениях столь плотная укорененность в академическом дискурсе сочетается с поэтическим письмом самого Виталия Лехциера? Подобный вопрос может (и)оказаться не-

1 Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00205 «Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»).

2 *Лехциер В.Л.* Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерки социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literaturos namai, 2018.